

© 2025 АРХИМАНДРИТ АЛЕКСАНДР (ГЛОБА),
С.П. ГЛЯНЦЕВ, К.В. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ДОНОРСТВА В ХРИСТИАНСТВЕ: ЭТИЧЕСКИЕ И ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ

Архимандрит Александр (Глоба) — Городницкий Свято-Георгиевский мужской монастырь.
Украина 11714, Житомирская обл., Новоград-Волынский р-н, пгт. Городница, ул.Монастырская, д. 1.
alexandergloba@gmail.com

Глянцев Сергей Павлович — доктор медицинских наук, профессор.
Национальный медицинский исследовательский центр хирургии им. А.В. Вишневского (НМИЦ).
Российская Федерация,
117997 Москва, ул. Большая Серпуховская, д. 27.
ORCID: 0000-0003-2754-836X
spglyantsev@mail.ru

Преображенская Кира Владиславовна — кандидат философских наук, доцент.
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (РХГА).
Российская Федерация,
191023 Санкт-Петербург,
набережная реки Фонтанки, д. 15.
ORCID: 0000-0001-6320-3057
kira459@list.ru

Аннотация. В статье представлены этические и духовные аспекты осмысления донорства как акта дарения или жертвования в контексте современной практики трансплантологии. Медицинская помощь, связанная с донорством органов и трансплантацией, занимает уникальную позицию: именно в этой сфере необходимо глубокое и всестороннее обсуждение этических и нравственных (духовных) вопросов, формирование поля взаимной коммуникации. Врачи, пациенты, доноры и члены их семей сталкиваются с важнейшей дилеммой, когда речь идет о пересадке жизненно важных органов, которые в культуре наделяются важным личностным, духовным, символическим смыслом. Так, например, трансплантация сердца — это замена больного органа, который больше не может обеспечивать нормальную жизнедеятельность человека, здоровым сердцем, изъятым у другого человека. С другой стороны, это пересадка органа, который был центром душевно-духовной жизни одного человека, — другому, и символически как бы лишается такого центра. В контексте тех статистических данных, которые получают исследователи, изучая влияние религиозного фактора на осмысление и этические интерпретации практик трансплантации жизненно важных органов в странах мира, символический образ донорства как синергии может стать ключом к вербализации тех внутренних установок, которые подспудно присутствуют в духовной культуре и способны дать импульс к такому развитию биомедицинских дискуссий, которые будут находиться в гармонии и созвучии с религиозными учениями.

Ключевые слова: донорство, этические и духовные аспекты трансплантологии, телесность, делимость физического тела, энтелехия, синергия.

Ссылка для цитирования: Архимандрит Александр (Глоба), Глянцев С.П., Преображенская К.В. Символический образ донорства в христианстве: этические и духовные аспекты // Человек. 2025. Т. 36, № 2. С. 124–140. DOI: 10.31857/S0236200725020079

Этические и духовные аспекты донорства в современной трансплантологии находятся в центре дискуссий не только по мировоззренческим причинам (и для донора, и для реципиента дар жизненно важного органа есть и физический, и символический акт), но и по причинам практического характера: от того, как в обществе воспринимается донорство органов, зависит продолжение чьей-то жизни, развитие научных исследований в сфере медицины и др. Как отмечают А.О. Резник и О.Н. Резник, медицинская помощь, связанная с донорством органов и трансплантацией, занимает уникальную позицию: именно в этой сфере необходимо глубокое и всестороннее обсуждение этических и нравственных (духовных) вопросов, формирование поля взаимной коммуникации. Помимо того, что донор, реципиент и их родственники стоят перед сложным нравственным выбором, который

Архимандрит
Александр (Глоба),
С.П. Глянцев,
К.В. Преображен-
ская

Символический
образ донорства
в христианстве:
этические и ду-
ховные аспекты

требует обоснования, «всеобщее распространение информационных технологий быстро превратило пациента из лабильного акцептора лечебного процесса как минимум в равного его участника, что закономерно привело к появлению новой модели отношений «врач–пациент» — партнерской. В таком формате врач, часто против своей воли, оказывается на одном уровне с больным, где вынужден аккуратно выстраивать коммуникацию с подготовленным пациентом, учитывая его ожидания, опасения и соображения в отношении своей болезни» [Резник А., Резник О., 2023: 24].

Донорство как дар: социальные и символические аспекты

Донорство органов и трансплантация в свете вышеуказанного, «являясь одним из самых сложноорганизованных видов оказания медицинской помощи, полностью проводятся вне информационного поля, в атмосфере молчания, нередко приобретающего черты умалчивания» [Резник А., Резник О., 2023: 24]. Современная медицина стоит перед необходимостью очерчивания полей взаимоотношений «врач–донор и его родственники», «врач–реципиент», «врач–общественность и средства массовой информации» и др. В таких остроактуальных и духовно затратных областях, как паллиативная помощь безнадежным пациентам, сопровождение человека на финальных этапах его жизненного пути с поправкой на присущий традиционным обществам консерватизм» [Резник А., Резник О., 2023: 24].

Как показывает практика, в разных культурах донорство воспринимается в единой призме духовной интерпретации смыслов индивидуальной и социальной жизни, поскольку там, где есть «дар» (а само понятие «донор» отсылает нас именно к этому коренному смыслу: в латинском языке глагол «donare» означает «дарить, жертвовать»), всегда есть отдавание во имя другого или во имя Высшего Блага, не ожидая ответного вознаграждения. В этом уповании, о чем свидетельствует исконное значение слова, дарение как жертвование рассматривается и как сакральное действие, которое указывает на творение новой реальности. Как определяет М. Фасмер в Этимологическом словаре русского языка, слово «жертва» происходит от праславянского «žьtva», от которого, в числе прочего, произошел старо-славянский термин «жрътва» (др.-греч. θυσία, ὁλοβή), что указывает на «творение жертвы», жреческое действие: «жръж «творю жертву», жръць «жрец, священник» [Фасмер, 2007: 50]. Само символическое действие осуществления жертвы подразумевает принесение дара

во имя изменения реальности или естественного хода вещей. Так, искупительная Жертва Христа восстанавливает исходное совершенство «тварной» плоти человеческой природы, дарует возможность возникнуть новому порядку бытия.

Слово «жертва» также родственно литовскому «giriù, girti» — «хвалить», «gėras» — «хороший», а также др.-прусскому «girtwei» «хвалить». Этот же корень виден в древнеиндийском «gr̥nāti» — «воспевает, превозносит, восхваляет» и «gír» — «хвала, награда», в латинском языке «grātus» — «желанный, приятный, благодарный» [Фасмер, 2007: 50]. И если дарение как отдавание может рассматриваться как естественное продолжение повседневно-сти, то собственно *жертва* как дар — это уже обращение к духовной реальности, когда сам дар есть духовный поступок, совершаемый во имя еще более высокого идеала.

Известно, что в последние десятилетия (особенно в западных странах) имеется тенденция получать финансовое вознаграждение по факту донорства органов. При этом, как показывает практика, получение вознаграждения (как правило, весьма символического — в качестве подтверждения права медицинской или исследовательской организации использовать передаваемые органы) не имеет существенного влияния на ситуацию с принятием идеи донорства в обществе. Филипп Штайнер, профессор социологии Университета Париж-Сорбонна отмечает, что включение рыночных механизмов в практики донорства склоняет общественность к восприятию донорства в большей степени как взаимобмена, нежели дара или жертвования [Штайнер, 2014: 11–15].

Ф. Штайнер полагает, что стремление членов семьи умершего человека, дающих разрешение на использование его органов для трансплантации, часто заключается в желании придать смерти близкого важное символическое значение. Как правило, доноры органов уходят из жизни молодыми и здоровыми, и их скоропостижную смерть трудно принять членам семьи умершего. Этот дар подразумевает обратную связь, пусть с символическим, но все-таки вознаграждением: «речь идет о социальном дарообмене, или органическом даре. В данном случае мы имеем дело не с обычной, прямой реципрокностью, но с определенным видом — я бы сказал — ожиданий: мой дар, произведенный в обмен на ту помощь, которую я получил от медицинской организации, поспособствует чему-то хорошему» [Штайнер, 2014: 13].

Ф. Штайнер также указывает на существование особых «нарративов», сопровождающих донорство как социальный акт: это придание смысла смерти через очерчивание символического поля общего блага или «блага другого». По мнению Штайнера, это уже ожидание некоей вторичной выгоды. Он показывает, что

Архимандрит
Александр (Глоба),
С.П. Глянцев,
К.В. Преображен-
ская

Символический
образ донорства
в христианстве:
этические и ду-
ховные аспекты

во многих западных странах акт донорства стал привычным: «В США отметка «донор органов» стоит даже в водительских правах... В соответствии с законом любой гражданин Франции имеет право стать донором. Так было с конца 1970-х гг.» [Штайнер, 2014: 14]. Соответственно, можно наблюдать две тенденции в общественном отношении к донорству органов: с одной стороны, сами участники процесса, донор (или члены его семьи) и реципиент склонны к более глубокому переживанию акта донорства, так как это тесно связано с личными переживаниями и теми духовными понятиями, которые наполняют их жизнь смыслами. С другой стороны, сама практика «дарообмена» в призме рыночных подходов в действительности выводит донорство из пространства символической жертвы.

Отметим, что с точки зрения теологии, западные культуры, имеющие в своих исторических духовных основах католицизм и протестантизм, более внимательны к социальному контексту процесса донорства как дарения. Социальное одобрение и его выражение в социальных действиях придает значимость и личности дарителя, и самому акту жертвования: в этом смысле глубинный смысл самого понятия «жертва» («хвала, награда») соответствует стремлению дарителя оставить символический след в социальном пространстве. Можно предположить, что русская культура, иначе выстраивающая приоритеты духовных ценностей и более внимательная к внутреннему, личному плану бытия, и в отношении донорства органов позволит увидеть другую картину, в которой дар будет в большей степени восприниматься как таинство, для которого нет однозначного внешнего экономического выражения.

Вообще, русская культура чрезвычайно внимательна к предельным темам бытия (жизнь, смерть, духовность) и одновременно — очень скупа к внешним выражениям своего понимания этих сфер жизни: очень трудно дается русскому человеку глубокий открытый разговор о предельном, разве что в «разговорах на кухне», в том формате, который «уравнивает» и говорящих между собой, и планы бытия — духовного и внешнего.

Религии мира и трансплантология

Как показывает мировая статистика трансплантации органов, страны-лидеры, где активно развивается донорство, принадлежат именно христианским конфессиям (за очень редкими исключениями, у которых, возможно, есть более глубокие причины, чем только религиозные). Согласно Международному рейтингу IRODAT (Международный регистр по донорству и трансплантации органов)

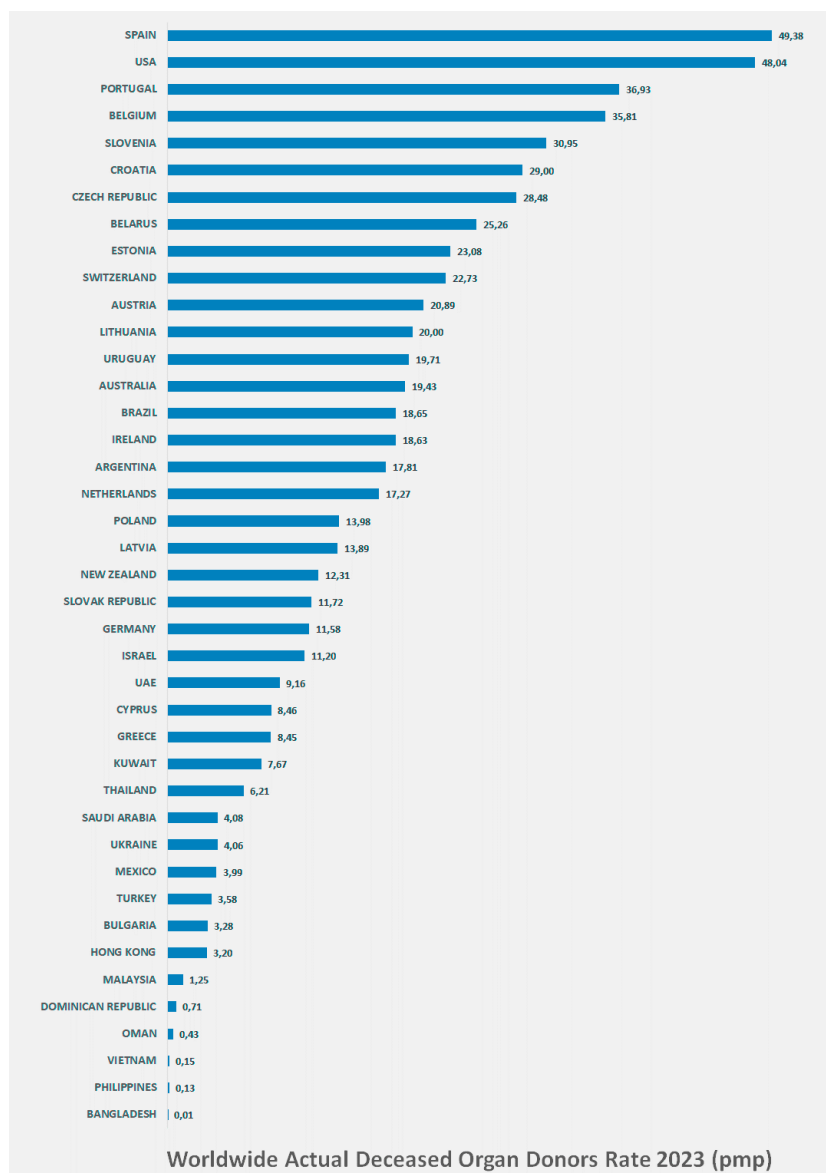

Рис. 1. Данные Международного рейтинга IRODAT по посмертному донорству (2023 г.)

за 2023 год, страны-лидеры в развитии посмертного донорства — это Испания, США, Португалия, Бельгия, Словения, Чехия и пр. (рис. 1).

При этом донорство от живых пациентов, согласно этому же рейтингу, выглядит иначе. Оно развито в странах, в которых активно развивается медицинская инфраструктура и довольно высокий уровень жизни: Турция, Саудовская Аравия, Израиль, Нидерланды (рис. 2).

Архимандрит
Александр (Глоба),
С.П. Глянцев,
К.В. Преображен-
ская

Символический
образ донорства
в христианстве:
этические и ду-
ховные аспекты

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

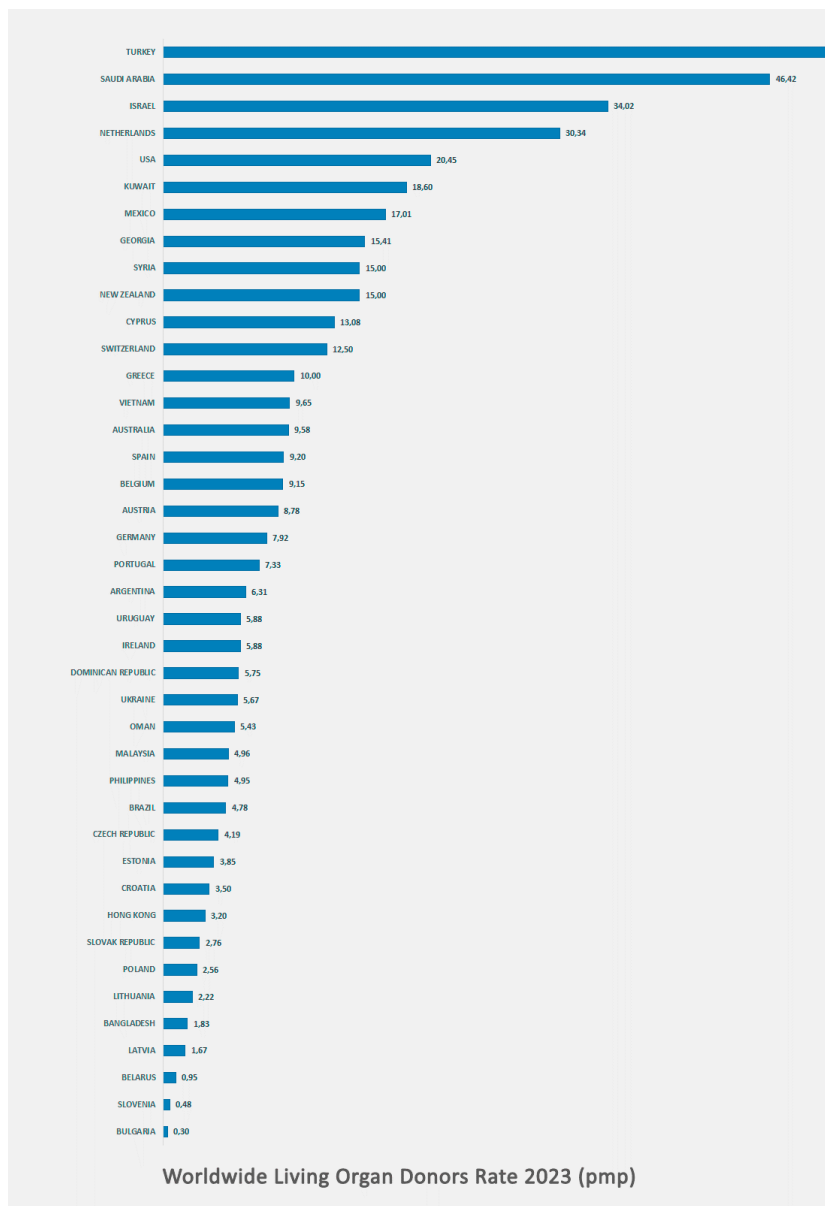

Рис. 2. Данные Международного рейтинга IRODAT по прижизненному донорству (2023 г.)

Относительно недавние сводные статистические исследования, которые отдельно рассматривали роль религиозных принципов в развитии показателей донорства, показывают, что в нехристианских странах донорство органов развито слабее (речь идет именно о посмертном донорстве, которое касается необходимости медицинского продолжения жизни) [Oliver, Woywodt, Ahmed, Saif, 2011].

Страна	Господствующие религии	Процент населения, имеющего карту донора органов	Показатели посмертного донорства (на миллион населения)
Евросоюз	75% христиан (данные 2011 г.)	12% (данные 2007 г.)	16,85 (данные 2007 г.)
Иран	99,58 % мусульман (перепись 1996 г.)	0,5% (данные 2010 г.)	2,9 (данные 2009 г.)
Япония	51% синтоистов, 42% буддистов (данные 2006 г.)	0,4% (данные 1995 г.)	0,8 (данные 2009 г.)
Израиль	75% иудеев (данные 2008 г.)	8% (данные 2010 г.)	9 (данные 2004 г.)
Саудовская Аравия	97% мусульман (данные 2003 г.)	нет данных	3,3 (данные 2009 г.)
Сингапур	42,5% буддистов (данные 2000 г.)	в Сингапуре действует система Предполагаемого соглашения	4,6 (данные 2009 г.)
США	76% христиан (данные 2008 г.)	37% (данные 2009 г.)	26,6 (данные 2007 г.)

Архимандрит
Александр (Глоба),
С.П. Глянцев,
К.В. Преображен-
ская

Символический
образ донорства
в христианстве:
этические и ду-
ховные аспекты

Не рассматривая более внимательно специфику отношения мировых религий к телу после смерти и особенностей интерпретации акта донорства, можно предположить, что культуры, основанные на христианских идеалах и христианской картине мира, более напряженно переживают символическое значение и смерти, и возможности продолжения жизни. Возможно, здесь более глубоко воспринимается и опыт телесности как уникальной, ограниченной во времени формы бытия. При всей сострадательности буддизма (как мировоззрения) ко всему живому, несомненно, ценность актуального физического существования человека в нем несколько ниже, чем, например, в религиях авраамического корня, поскольку буддизм подразумевает возможность множественности перерождений души, и в целом материальный мир может в нем интерпретироваться как иллюзия.

По мнению М. Оливер с соавторами, следует учитывать усиливающееся влияние поликультурности и многоконфессиональности в странах, исторически воспринимающих себя христианскими, прогнозируя, что выявленные тенденции могут быть скорректированы новыми социально-экономическими обстоятельствами [Oliver, Woywodt, Ahmed, Saif, 2011: 444].

Дискурс о трансплантации сердца

Именно в контексте авраамических религий врачи, пациенты, доноры и члены их семей сталкиваются с важнейшей дилеммой, когда речь

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

идет о пересадке жизненно важных органов, которые в культуре наделяются важным личностным, духовным, символическим смыслом.

Так, например, трансплантация сердца — это замена больного органа, который больше не может обеспечивать нормальную жизнедеятельность человека, здоровым сердцем, изъятым у другого человека. С другой стороны, это пересадка органа, который был центром душевно-духовной жизни одного человека, — другому человеку, который символически как бы лишается такого центра.

Является ли восприятие реципиентом донорского сердца восприятием личности донора? Интересен фрагмент беседы митрополита Антония (Сурожского) с ведущим религиозной программы Русской службы BBC «Воскресение» протоиереем Сергием, состоявшейся в 1994 году: «Митрополит Антоний: Я думаю, что человек может включить в себя орган (сердце. — Авт.) из другого организма, — если можно так выразиться, его “переработать” на свой лад, “усвоить”, сделать своим, так, чтобы он принял участие во всей его жизни: в физическом благополучии, в переживаниях и, может быть, ... [даже] в духовно-мистической его жизни. Я бы сказал, что [с этой точки зрения] пересадка [сердца] возможна. Желательна ли она? Это — иной вопрос в каждом случае. Отец Сергей: В идеальном случае, может быть, стоило бы испрашивать разрешения умирающего, когда он еще может дать на это согласие? Может быть, он был бы рад дать согласие, потому что дар своего сердца — это, по сути дела, дар своей жизни» [Антоний, митр., 1995].

Исходя из этих слов, можно сделать вывод, что пересадка сердца возможна в том случае, если умирающий согласен на такой дар. Но все не так просто. В зарубежной медицине широко используется согласие на пересадку сердца, данное заранее, например, автомобилистами. Однако здесь прослеживается скорее прагматичный, нежели духовный подход: одно дело — дать согласие, когда ты здоров, и твоя смерть в результате травмы гипотетична. И совсем другое, когда ты лежишь в реанимации в глубокой коме, твой мозг недееспособен, но твои близкие цепляются за любую соломинку, чтобы продлить жизнь, покидающую твое травмированное тело.

А в это время в соседней палате лежит человек, который для продления своей жизни мечтает получить твое, здоровое сердце. А рядом с его постелью дежурят его родные. И они тоже молятся о том, чтобы жизнь их родственника продлилась. А вокруг суетятся врачи и медсестры, стремящиеся, следуя клятве Гиппократова, сделать все для спасения жизни как потенциального донора, так и, как это ни парадоксально, потенциального реципиента. А неподалеку ожидают исхода этой борьбы за жизнь двух людей две бригады хирургов: одна готова забрать твое сердце, а вторая — заменить больное сердце твоего соседа на твое, здоровое. А время

идет. И наступает момент, когда забрать сердце уже нельзя: оно не годится для пересадки. Но где тот этический порог, за которым это можно сделать? Когда можно (необходимо?) дать указание прекратить реанимацию, то есть признать человека с работающим сердцем мертвым, и приступить к пересадке его сердца?

Описанная нами ситуация не выдумана. Она имела место в 1968 году в клинике профессора Н.М. Амосова в Киеве, когда родственники пострадавшего с погибшим мозгом никак не решались дать согласие на изъятие его сердца. Больше Амосов — один из пионеров хирургии сердца в СССР, попыток пересадить сердце не предпринимал [Амосов, 1999].

В современной медицинской научной литературе можно встретить исследования, целью которых является выявление и описание опыта личностных трансформаций пациентов, перенесших пересадку сердца. Так, в 1992 году группа австрийских исследователей провела опрос 47 пациентов, перенесших трансплантацию сердца. Анализ результатов позволил выделить три группы. Представители первой (79% опрошенных) заявили, что их личность после операции не изменилась (при этом отсутствуют данные, были ли верующими опрошенные). 15% пациентов отметили, что их личность изменилась, но не из-за донорского органа, а из-за перенесенной операции, проведенной по жизненным показаниям. Возможно, дело в том, что так или иначе речь идет о переживании реципиентом новой жизни, полученной от нового сердца. И только 6% опрошенных (3 пациента) сообщили об отчетливых изменениях личности после получения нового сердца. Мысли и переживания «о включении в себя органа из другого организма» заставили их изменить прежние чувства и реакции и принять возможные чувства и реакции донора (о чем выше говорил митрополит Антоний). Полученные данные свидетельствуют о том, что, по-видимому, проблемы с «духовным» приживлением трансплантата все же существуют, и они могут быть основаны на вековом представлении о сердце как о чувственном центре, формирующем личность.

Как свидетельствует медицинская статистика, Россия не находится на лидерских позициях в развитии посмертного донорства. Возможно, отчасти это объясняется и тем, что при высоком проценте россиян, признающих себя православными, чрезвычайно низкой остается доля тех, кто действительно участвует в жизни Церкви, ведет православный образ жизни [Многообразие религиозных форм современной России, 2022]. Соответственно, в целом остается довольно низкой и степень рефлексии над проблемами, связанными с жизнью и смертью, дарением и жертвованием.

Можно сделать и более широкие выводы. Безусловно, речь идет не только о религиозных убеждениях и идеалах, но и об общем

Архимандрит
Александр (Глоба),
С.П. Глянцев,
К.В. Преображен-
ская

Символический
образ донорства
в христианстве:
этические и ду-
ховные аспекты

нравственном состоянии общества, в котором жертвование собой может быть следствием не религиозности, а понимания своего долга, как, например, жертвует временем врач, жизнью — солдат, нервными клетками — учитель.

Одному из нас (С.П. Глянцев) довелось беседовать с пациентом, которому было пересажено сердце погибшего в автомобильной травме мотоциклиста. На вопрос: «Знали ли Вы этого человека или хотели бы что-то узнать о нем?», пациент ответил: «А зачем?». И на следующий вопрос: «Верите ли Вы в Бога?», ответ был отрицательным. Как поведал этот мужчина, между собой реципиенты сердец зовут своих доноров «мотоциклистами» и их личностями не интересуются. Кстати, в России процент автомобилистов, согласных на пересадку своего сердца в результате аварии, ничтожно мал. Согласие дают родственники, большей частью верящие в то, что жизнь их близкого человека продлится в другом. Именно жизнь, средоточие которой ассоциируется с сердцем.

Проблема делимости тела и единства души через призму трансплантологии

Практически во всех древних культурах, в античной мысли, в рамках большинства мировых религий человек воспринимается как духовно-материальное существо, обладающее цельностью (единством тела и души), несмотря на то что материальное и духовное могут сосуществовать в несопоставимых формах и пространствах. Цельность (гармония тела и души) и есть признак телесного и духовного здоровья, полноты бытия; сам термин «исцеление» (возвращение духовных и физических сил к своему оптимальному или исходному состоянию) свидетельствует о процессе восстановления этой полноты.

Новоевропейская цивилизация, основанная на христианстве, культура которой стала превращаться в некий технократический, наукоцентричный проект, утвердила в нашем сознании представления о возможности тотального анализа. Сам термин «анализ» изначально в древнегреческом языке (ἀνάλυσις «растворение, развязывание») [Дворецкий, 1958: 123] употреблялся в смысле «распускания связующих нитей», как освобождение и даже уход из жизни («окончательное освобождение») [Дворецкий, 1958: 123], однако уже в терминологии Аристотеля («τὸ ἔσχατον ἐν τῇ ἀναλύσει», Никомахова этика, III, 5 [Аристотель, 1983:102]), а впоследствии и в римской традиции стал интерпретироваться как разложение на составляющие — как материального бытия, так и бытия души (например, психоанализ). Не случайно ученые и философы, которые стояли у истоков формулирования новых принципов научного знания (например, Рене

Декарт), использовали принцип механицизма в описании феноменов физического мира и в интерпретации духовного. Так, в переписке Р. Декарта с М. Мерсенном знаменитый ученый рассуждает, что нет никакой логической сложности представить, как частицы хлеба и вина трансформируются в частицы же Тела и Крови Христовых [Декарт, 2001: 86–93]. Делимость материального как функциональная и символическая характеристика, механицизм в понимании делимости тела человека как одной из ипостасей его жизни, ограниченной во времени и пространстве, серьезно снизили пафос сакральности тела. Мы это видим и в инструментальном отношении к здоровью и продолжению жизни в новейших идеях общества потребления, и шире — в идеологии трансгуманизма, и в развитии «черного» рынка трансплантологии, для которого святость физического бытия и его мистической связи с личностным началом есть лишь метафора, которая перекрывается ценой «продукта».

Однако современные этические дискуссии о духовном значении тех физических органов, которые культурой наделяются сакральным смыслом, позволяют развернуть дискурс о единстве духовного и материального в человеке в иной плоскости. В известном смысле, современной культуре требуется возвращение к истокам, к тому пониманию сущности жизни в ее биологических и духовных ракурсах, как это видели, например, в античной философии.

Древние греки были уверены в том, что духовный мир и материальный облик человека тесно взаимосвязаны. Душа есть энтелехия тела, как говорит Аристотель (энтелехия — др. греч. ἐντελέχεια: «ἐν-τελ-έχεια»: дословно — «заключающая в себе цель» [Дворецкий, 1958: 550]). В его интерпретации жизненная сила, которая оживляет физическое тело, есть еще и внутренний смысл, целеполагание: «душа... есть сущность в смысле формы естественного тела, обладающего в возможности жизнью. Сущность же [как форма] есть энтелехия; стало быть, душа есть энтелехия такого тела. Энтелехия же имеет двоякий смысл: или такой, как знание, или такой, как деятельность созерцания» [Аристотель, 1976: 394].

Впоследствии эту интерпретацию души как живительной силы, которая не только дает динамику физическому телу, но и задает символическое значение духовно-материальному единству личности, продолжает христианское богословие и на Западе, и на Востоке, и новейшая традиция философии науки [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1904: 855]. Так, Св. Фома Аквинский говорит об «импульсе жизни», который все сотворенное получает от Творца. Дионисий Ареопагит и позже свт. Григорий Палама обосновывают возможность богообщения между человеком и Богом через благодатные нетварные Энергии [Палама, 1993].

Архимандрит
Александр (Глоба),
С.П. Глянец,
К.В. Преображен-
ская

Символический
образ донорства
в христианстве:
этические и ду-
ховные аспекты

В последние годы тема изучения изменений личности пациентов после трансплантации сердца обогащается новыми фактами. Речь идет о том, что изменения характера, личных предпочтений и других качеств можно рассматривать через призму фиксируемых биологических параметров. Так, Л. Митчелл полагает, что приобретение донорских характеристик личности реципиентами после трансплантации сердца может происходить посредством передачи клеточной памяти (эпигенетическая память, память ДНК, память РНК, белковая память) [Mitchell, 2020]. Ряд исследователей допускают другие возможности передачи «памяти» донора: через так называемую внутрисердечную неврологическую и энергетическую память. Ставятся вопросы о том, как передача воспоминаний донора реципиенту может повлиять на интеграцию донорского сердца, какие типы информации могут быть переданы через трансплантацию сердца и др.

* * *

Современная трансплантология стоит перед выбором — считать ли материальную телесность человека делимой и не имеющей

прямой взаимосвязи с личностью донора, или согласиться с тем, что жизненно важные органы тела человека являются его важнейшей духовной составляющей, и тогда дискурс следует строить в метафизических контекстах?

По мнению О.В. Поповой, под влиянием современных медицинских технологий, которые заставляют нас пересмотреть представления и о физическом теле, и о границах жизни и смерти, существенно трансформировалось и понимание возможностей дара и жертвования в донорстве: «мощь современной биомедицины, с ее развитой практикой трансплантации органов и тканей, конституирует этическую нагруженность человеческой телесности. В этом контексте мертвое человеческое тело — это не материальный субстрат, не распадающийся биологический объект или (в высоком смысле) носитель личности, источник воспоминаний о ближнем, но дар, который может сам стать источником жизни... делимость человеческого тела приобретает близкий сакральному характер. Семантические характеристики мертвого тела и его частей становятся амбивалентными: оно уже не только свидетельствует о смерти, но и говорит о продолжении жизни и даре существования, который все еще заложен в угасающей витальности телесного и может быть перенесен другому человеку. С феномена смерти снимается момент окончательности и определенности, технологическое сопровождение умирания и констатации смерти (при легитимации критерия смерти как смерти мозга) позволяет пролонгировать жизнь умирающим, дать новый шанс на жизнь» [Попова, 2022].

Если рассматривать акт дарения, жертвования жизненно важных органов другому человеку как символическое действие, в котором «энтелехия» физического органа способна служить восстановлению целостности физического тела и жизненной силы больного (пациента), нельзя ли здесь говорить о синергии — воссоединении воли дарителя и воли (реципиента), воссоединении как направленности друг к другу, пусть даже в ситуации временного или пространственного отстояния? Возможно, этот термин — *синергия* — который описывает возможность единения человека с Творцом в восточно-христианской традиции, имеет перспективу и в мире новейших медицинских технологий?

В контексте тех статистических данных, которые получают исследователи, изучая влияние религиозного фактора на осмысление и этические интерпретации практик трансплантации жизненно важных органов в странах мира, *символический образ донорства как синергии* может стать ключом к вербализации тех внутренних установок, которые подспудно присутствуют в христианской культуре и способны дать импульс к такому развитию

Архимандрит
Александр (Глоба),
С.П. Глянцев,
К.В. Преображен-
ская

Символический
образ донорства
в христианстве:
этические и ду-
ховные аспекты

биомедицинских дискуссий, которые будут находиться в гармонии и в созвучии с духовными учениями.

Organ Donation as Synergy: Ethical and Spiritual Aspects

Archimandrite Alexander (Alexander A. Globa).

Gorodnitsky Str., George Monastery, Gorodnica, Ukraine.

Monastyrskaya Str., Gorodnica, Gorodnitsky St. George Monastery, Ukraine.

alexandergloba@gmail.com

Sergey P. Glyantsev

DSc in Mediciny, Professor.

A.V. Vishnevsky NMRC for surgery of the Ministry.

27, Bolshaya Serpukhovskaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

spglyantsev@mail.ru

Kira V. Preobrazhenskaya

CSc in Philosophy, Docent.

Russian Christian Academy for the Humanities named after

F.M. Dostoevsky.

15 Fontanka River embankment, St. Petersburg 191023, Russian Federation.

kira459@list.ru

Abstract. The article presents the ethical and spiritual aspects of understanding donation as an act of giving or sacrifice in the context of modern transplantology practice. Medical care related to organ donation and transplantation occupies a unique position: it is in this area that a deep and comprehensive discussion of ethical and moral (spiritual) issues is needed, as well as the formation of a field of mutual communication. Doctors, patients, donors and their family members face a major dilemma when it comes to transplanting vital organs, which are culturally endowed with important personal, spiritual and symbolic meaning. For example, a heart transplant is the replacement of a diseased organ that can no longer ensure normal human life with a healthy heart taken from another person. On the other hand, it is the transplantation of an organ that was the center of one person's spiritual life to another person who is symbolically deprived of such a center. In the context of the statistical data that researchers obtain when studying the influence of the religious factor on the understanding and ethical interpretation of the practices of transplantation of vital organs in countries around the world, the symbolic image of donation as synergy can become the key to verbalizing those internal attitudes that are latently present in spiritual culture and are capable of giving impetus to such development of biomedical discussions that will be in harmony and consonance with religious teachings.

Keywords: donation, ethical and spiritual aspects of transplantology, corporeality, divisibility of the physical body, entelechy, synergy.

For citation: Archimandrite Alexander (Globa), Glyantsev S.P., Preobrazhenskaya K.V. // *Chelovek*. 2025. Vol. 36, N 2. P. 124–140. DOI: 10.31857/S0236200725020079

Литература/References

Амосов Н.М. Голоса времен. М.: Вагриус, 1999.

Amosov N.M. Golosa vremen [Voices of the Times]. Moscow: Vagrius Publ., 1999.

Антоний, митр. (Сурожский). О медицинской этике (Запись бесед с руководителем религиозной программы Русской службы BBC «Воскресение», отцом протоиереем Сергием Гаккелем 30 июля–10 декабря 1994 г. // Независимый психиатрический журнал. 1995. № 1. С. 52–68.

Antonij, mitr. (Surozhskij). O medicinskoj ehtike (Zapis' besed s rukovoditelem religioznoj programmy Russkoj sluzhby BBC "Voskresenie", ocom protoiereem Sergiem Gakkelem 30 iyulya–10 dekabrya 1994 g. [On Medical Ethics (Recording of Conversations with the Head of the Religious Program of the BBC Russian Service "Resurrection", Father Archpriest Sergey Gakkel July 30–December 10, 1994]. *Nezavisimyj psikhiatricheskij zhurnal*, 1995. N 1. P. 52–68.

Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4. М.: Наука, 1983. С. 53–294.

Aristotel'. Nikomahova etika [Nicomachean Ethics]. Aristotel'. Sochineniya v 4 t. T. 4. Moscow: Nauka Publ., 1983. P. 53–294.

Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 1. М.: Наука, 1976. С. 369–450.

Aristotel'. O dushe [About the Soul]. Aristotel'. Sochineniya v 4 t. T. 1. Moscow: Nauka Publ., 1976. P. 369–450.

Готье С.В., Климушева Н.Ф. Психологическая адаптация и реабилитация реципиентов донорских органов // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2016. N 18(2). P. 37–45.

Got'e S.V., Klimusheva N.F. Psikhologicheskaya adaptaciya i reabilitaciya recipientov donorskikh organov [Psychological adaptation and rehabilitation of recipients of donor organs]. *Vestnik transplantologii i iskusstvennykh organov*. 2016. N 18(2). P. 37–45.

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. В 2 т. Т. 1.

Dvoreckij I.H. Drevnegrechesko-russkij slovar' [Ancient Greek-Russian Dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1958. V 2 t. T. 1.

Декарт Р. Фрагменты переписки о церковных таинствах // Вестник РХГИ. 2001. № 4. С. 86–93.

Dekart R. Fragmenty perepiski o cerkovnykh tainstvakh [Fragments of Correspondence about Church Sacraments]. *Vestnik RKHGI*. 2001. N 4. P. 86–93.

Климушева Н.Ф., Баранская Л.Т., Шмакова Т.В. Риск расстройств личностной адаптации у пациентов с трансплантированными внутренними органами // Уральский медицинский журнал. 2009. № 6 (60). P. 63–69.

Klimusheva N.F., Baranskaya L.T., Shmakova T.V. Risk rasstrojstv lichnostnoj adaptacii u pacientov s transplantirovannymi vnutrennimi organami [The Risk of Personality Adaptation Disorders in Patients with Transplanted Internal Organs]. *Ural'skij medicinskij zhurnal*. 2009. N 6(60). P. 63–69.

Архимандрит
Александр (Глоба),
С.П. Глянец,
К.В. Преображен-
ская

Символический
образ донорства
в христианстве:
этические и ду-
ховные аспекты

